

Воскресение Сына Божьего

Предисловие

Оливеру О'Доновану и Роуэну Уильямсу посвящается

I

Эта книга изначально задумывалась как заключительная часть монографии «Jesus and the Victory of God» (1996)¹, представляющая собой второй том из серии *Христианские истоки и вопрос о Боге*, первом томе которой стала книга «The New Testament and the People of God» (Новый Завет и народ Божий, 1992; далее – *NTPG*). Ныне предлагаемое вниманию читателя исследование, таким образом, является третьим томом указанной серии. То есть мне пришлось скорректировать изначальный план серии, в связи с чем меня часто спрашивают, что послужило причиной этих изменений. Поэтому, думаю, будет уместным кое-что об этом сказать.

За несколько месяцев до окончания работы над книгой «Иисус и победа Бога» (далее – *ИПБ*) Саймон Кингстон из издательства SPCK пришел ко мне сказать, что обложка для книги уже готова и нужно пускать срочно в печать тот объем текста, который имеется в наличии, и поинтересовался, как дальше нам действовать при таком раскладе. Если материал, ставший частью предлагаемой теперь вниманию читателя книги, пришлось бы сжать примерно до семидесяти страниц (я самонадеянно думал тогда, что такого рода сокращение возможно), то *ИПБ* должна была бы иметь объем по меньшей мере в восемьсот страниц и, таким образом, уже превзойти определенные для нее рамки, что не всегда бывает приятно для уже немолодого ученого.

Так сложилось, что в тот момент я размышлял над выбором тематики для Шафферских лекций, которые мне предстояло прочесть в Йельской богословской семинарии осенью 1996 года, сразу после окончания *ИПБ*. Предполагалось, что тематика так или иначе будет связана с Иисусом. Я озадачился, как мне лучше поступить: или дать сжатый материал относящийся к воскресению Иисуса в публикуемой книге, или попробовать вместить в рамки лекций аргументацию, касающуюся указанного вопроса, которую я недостаточно осветил в книге и которую я надеялся исчерпывающе изложить в лекциях (естественно, я не надеялся втиснуть туда все многообразие текстов источников по этому вопросу). В конце концов проблема решилась таким образом: я опустил раздел о воскресении в *ИПБ*, запланировал прочитать лекции о воскресении в Йельском университете и опубликовать эти последние в виде небольшой книжицы, которая послужила бы своего рода связующим звеном между *ИПБ* и книгой о Павле, которая теперь (после выхода нынешней книги) стала уже IV томом серии. (В результате некоторые рецензенты *ИПБ* обвинили меня, что я пренебрегаю или даже не верю в воскресение Иисуса. Я уверен, что после выхода данного тома подобные обвинения можно считать лишь легким недоразумением.)

Шафферские лекции прошли замечательно, по крайней мере для меня. Те, кто меня с женой принимал в Йельском университете, оказали нам чрезвычайно теплый прием. Моя признательность им за оказанную мне честь больше каких-либо слов. Итогом чтения этих лекций стало понимание, что тематику, затрагиваемую в них, необходимо разрабатывать и далее. Для этого я, когда меня приглашали в последующие три года читать лекции, всякий раз стал предлагать именно эти темы, которые должны были в конце концов, как я тогда рассчитывал, оформиться в небольшую книгу. Таким образом, наработки по проблеме воскресения я смог озвучить в рамках Друмрайтовских лекций в Юго-Западной

¹ Пер. на рус: Иисус и победа Бога. М: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004.

Теологической семинарии в г. Форт–Уэрте (штат Техас), Епископских лекций в г. Уинчестере, Хун–Буллокских лекций в Университете Святой Троицы в г. Сан–Антонио (штат Техас), Дьюбоских лекций в Университете Юга в г. Сьюани (штат Теннесси), Лекций имени Кеннет У. Кларка в Дьюкской семинарии в г. Дареме (штат Северная Каролина), Спрунтовских лекций в Объединенной семинарии в г. Ричмонде (штат Вирджиния). (Вариант лекций, прочитанный в Сьюани, был опубликован в Богословском обозрении Сьюани 41.2, 1998, 107–156; я время от времени опубликовывал и другие варианты тех же лекций, а также несколько эссе по той же тематике; подробный список см. ниже в Библиографии.) Сходные по содержанию лекции мне представилась возможность прочитать, кроме всего прочего, в Летней школе Принстонской богословской семинарии, которая проводилась в Университете апостола Андрея; мне даже удалось прочитать одиночную лекцию, включавшую в себя сжатую аргументацию по проблеме, в ряде учебных заведений, в частности, в Семинарии святого Михаила в г. Балтимор, в Папском Григорианском университете в Риме, а также в Труэтской семинарии, в Университете Бэйлора в г. Уэйко (штат Техас). От посещения перечисленных замечательных и гостеприимных учебных заведений у меня сохранились самые теплые воспоминания.

Но все самое основное, что произошло со мной, когда я заканчивал разработку материала этих лекций, многое уточняя и восполняя множество пробелов, – это назначение меня в качестве приглашенного лектора на кафедру Макдональда в Гарвардской богословской семинарии на период осеннего семестра в 1999 году. Нежданно–негаданно я получил возможность посвятить волнующей меня теме не две–три лекции, а целых двадцать, при этом слушателями моими были в высшей степени эрудированные и умные и в лучшем смысле этого выражения критически настроенные студенты. Естественно, что с каждой лекцией я все больше и больше утверждался в мысли о необходимости еще более тщательной и масштабной разработки освещаемых в учебном курсе проблем. Мой прежний план написать по материалам этих лекций *небольшую*, как я рассчитывал, книгу провалился. Но зато я получил благоприятную возможность заложить основание для работы над книгой, которую держит теперь в руках уважаемый читатель. В этой связи я хочу выразить глубочайшую признательность моим коллегам и друзьям в Гарварде, и в особенности Элу Макдональду, основателю кафедры, чья личная поддержка и постоянный интерес к моей работе вдохновили меня на великие свершения. Таким образом, хотя книга в конечном своем виде стала совершенно не похожа на то, что было задумано в Йельском университете, семена, посеянные тогда, дали свои всходы и обильный урожай в Гарварде. Я уверен, что мои друзья из обоих этих прославленных учебных заведений не будут сильно возражать по поводу выявленной здесь неразрывной связи, которая теперь, в частности, из–за моей книги, образовалась между ними.

II

Эта книга достигла своих нынешних размеров отчасти благодаря тому, что когда я работал над материалом и прорабатывал гигантские количества вторичной литературы, мне постоянно казалось, что всякого рода несимпатичные мне концепции, касающиеся ключевых идей и ключевых текстов, получили незаслуженно широкое распространение. И для их искоренения, как это бывает в случае с различными сорняками, заполонившими чудный сад, очень часто единственным средством остается – выкапывать их с корнем. В частности, в новозаветных исследованиях стало почти общим местом утверждение, что первые христиане не мыслили об Иисусе как о воскресшем из мертвых самым что ни на есть телесным образом; при этом Павел, постоянно цитируемый, выставляется в качестве главного свидетеля того, что модно нынче называть «духовным» взглядом на данную проблему. Мне кажется это чрезвычайным заблуждением (хотя среди исследователей не любят говорить, что некоторые их коллеги откровенно неправы, я все же осмелюсь в виду жизненной важности и

серьезности проблемы использовать термин «заблуждение» в качестве обозначения именно неверных, на мой взгляд, мнений), получившим слишком широкое признание, чтобы можно было оставаться спокойным, а не взяться за лопату и с рвением начать выкапывать под корень это множество сорняков, а затем приступить к посеву благородной и полезной культуры; таким адекватным средством против сорняков, по-моему, является укорененный в исторической почве альтернативный подход. Читатель, возможно, будет удовлетворен тем, что я привожу в разных местах не так много примеров различных «заблуждений» относительно иудаизма и Нового Завета. Я предпочел для себя более уместным обратиться к первоисточникам и позволить им формировать структуру книги, нежели допустить бесконечное празднословие на предмет «четкой постановки вопроса», которое чаще всего не способствует конструктивному поиску ответа. (Первая часть *ИПБ* обеспечивает нужный фон для дальнейшей дискуссии вокруг основных проблем и методов.)

Книга приобрела бы невероятные размеры, если бы я ввел все подробности дискуссий или поставил для себя задачу процитировать хотя бы по разу каждого исследователя, с которым я выражаю согласие или несогласие. Подобным же образом ее объем мог бы увеличиться вдвое, если бы я взялся анализировать всевозможные интересные и оригинальные, но уведующие в сторону, решения того или иного вопроса.

Множество второстепенных моментов, связанных с основной проблематикой книги, упоминаются лишь вскользь, если упоминаются вообще. Те, кто сейчас занимается, к примеру, исследованием Туринской плащаницы, могут раздосадовать на меня за то, что она ни разу здесь не упоминается². Я отчетливо осознаю, что разбираю одни дискуссии подробнее, чем другие, и что в некоторых случаях мои собственные, быть может, недостаточно аргументированные суждения было бы полезно более тщательно обсудить с коллегами и друзьями. Особенно часто такие суждения встречаются в Части II, посвященной Павлу, что я попытаюсь восполнить по мере сил в следующем томе серии. Самой главной своей задачей я видел в данной книге выпукло прописать наиболее ценные, на мой взгляд, аргументы, которые казались мне жизненно важными для прояснения основной проблемы исследования. Настоящую работу я рассматриваю, по контрасту с предыдущими из той же серии, как монографию крайне общего характера, содержащую в себе одну–единственную линию рассуждения, схему которой я набрасываю в первой части. И хотя форма этой книги едва ли может быть названа оригинальной, однако основная цель ее – исследование пути и способа, при помощи которых представление о «воскресении», отвергаемое язычниками, но признаваемое немалым количеством иудеев, было заново провозглашено и переосмыслено христианами; решение такой задачи пока, насколько мне известно, никем не ставилось ни до меня, ни после. Благодаря такому подходу и структуре работы значительная часть материала, ранее малодоступного широкой аудитории, стала достоянием публики. Поэтому я очень надеюсь, что книга станет не только определенным вкладом в дальнейшую дискуссию по проблеме, но также будет способствовать историческому осмыслению и обоснованию христианской веры.

Ряд вопросов, которые могут возникнуть в связи со стилем и содержанием книги, разбираются мною в предисловиях к *NTPG* и *ИПБ*. Однако на один свежий и часто задаваемый вопрос я хотел бы здесь ответить. Людей периода античности, которые не были ни иудеями, ни христианами, я называю, вслед за многими древними историками, «язычниками»; при этом я не имел намерения кого–то оскорбить или выразить свое пренебрежение; я просто считаю вполне приемлемым и удобным использовать это понятие в приложении ко множеству различных народов. Естественно, термин этот имеет здесь этический (*etic*), а не эмический (*emic*) смысл³ (т. е. термин этот никогда, по крайней

² См., напр., Whanger and Whanger 1998.

³ *Etic*, *emic* – термины, которые используются, в частности, в социологических дисциплинах и антропологии, где в основном обозначают два способа описания и оценки поведения и мировоззрения

мере сегодня точно, – не использовался никем в качестве *самоназвания*, но содержит в себе указание на чуждых по духу людей, – в данном случае чуждых по отношению к иудеям и христианам). При таком понимании этот термин имеет чисто эвристический смысл.

Несмотря на беспокойство некоторой части моих читателей, я продолжаю и в этой книге в большинстве случаев писать слово «бог» со строчной буквы «б». Делаю я так совсем не из-за отсутствия благоговения перед Богом. Такое написание должно напоминать как мне самому, так и читателям, что в I веке (впрочем, как и в XXI) вопрос не ставился, верите ли в «Бога» (как будто бы все люди имеют четкое представление о предмете вопроса), но скорее – о каком боге из огромного числа богов мы говорим и что о нем вообще можно сказать? Когда иудеи или христиане I века говорили о «боге, воскрешающем мертвых», они подразумевали, что этот бог, бог-творец, бог, заключивший Завет с Израилем, – это и есть собственно Бог, единый и единственный, к которому такое наименование только и приложимо. Однако большинство их современников так не считали, так что неспроста первых христиан называли не иначе, как «атеистами»⁴. Даже некоторые исследователи Нового Завета, заведя слово «Бог», могут легко обмануться, делая ложные предположения относительно того, к кому это наименование относится, – как раз такого рода недопонимания эта книга и стремится рассеять. Когда я излагаю взгляды первых христиан, привожу цитаты из раннехристианских сочинений, я часто пишу слово «Бог» с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть, что для авторов бог, о котором они говорят, которому они поклоняются и имя которого призывают, был с их точки зрения единственным истинным Богом. В заключительных главах книги я начинаю использовать заглавную букву для выражения своей собственной позиции относительно вопроса о Боге (как я делал это в соответствующих главах *ИПБ*); мотивы этого, я уверен, станут понятны по ходу чтения. Я очень надеюсь, что такого рода буквенная эквилибристика никого не смутит. Альтернативный этому путь – как-то пытаться адаптировать стандартное обозначение божественного имени к нашему сегодняшнему сознанию, что, я уверен, является отказом провоцировать интерес у большинства читателей к самым важным вопросам, разрешению которых и посвящены книги данной серии.

Кроме того, нужно упомянуть еще одну важную вещь из той же области, так как подробнее об этом я говорил в специальном очерке. В книге я неизменно стремлюсь избегать противопоставления «буквального» понимания воскресения «метафорическому». Я понимаю, что люди хотят сказать, когда употребляют эти выражения, однако такое словоупотребление никак не содействует прояснению сути дела. Понятия «буквальный» и «метафорический» указывают собственно на то, как *соотносятся слова и вещи, обозначаемые словами*, но не указывают на вещи сами по себе. Для решения последней задачи более подходящими терминами могли бы быть «конкретный» и «абстрактный». Фраза «учение Платона об идеях» *буквально* относится к *абстрактной* реальности (фактически получается двойная абстрактная реальность). Фраза «жирная ложка» относится *метафорически*, или даже метонимически, к *конкретной* реальности, а именно указывает на дешевое придорожное кафе. Слова, используемые будь то метафорически или буквально, почти ничего не могут сказать нам сами по себе о той реальности, на которую они так или иначе указывают.

Когда древние иудеи, язычники и христиане употребляли слово «спать» для обозначения смерти, это было метафора, которая относилась ко вполне конкретному положению дел. Мы часто используем сходный язык, правда, наоборот: так, о том, кто очень

представителей тех или иных культур и сообществ: «этический» подход – это характеристика поведения и мировоззрения с точки зрения стороннего по отношению к объекту наблюдателя; «эмический» подход – это описание с точки зрения человека, принадлежащего к рассматриваемой культуре или сообществу, т. е. в каком-то смысле взгляд «изнутри» объекта рассмотрения и изучения. – *Прим. пер.*

⁴ См., например, Мученичество Поликарпа 9.2.

крепко спит, мы говорим, что он «спит как убитый». Время от времени, как, например, в Иез 37, автор–иудей пользуется языком «воскресения», чтобы метафорически описать конкретную политическую ситуацию – возвращение иудеев из Вавилонского плена. Данная пророческая метафорика, одновременно *обозначая* конкретное событие, содержит в себе *коннотацию* на идею нового творения, нового Бытия. Как мы вскоре увидим, христиане разрабатывали свой собственный метафорический язык, который также соотносился с вполне конкретной реальностью. В большинстве случаев иудеи и язычники, которые рассуждали о воскресении – независимо от того, обосновывая ли его (как это делали фарисеи), отрицая ли его (как это делали саддукеи вместе со всем остальным греко–римским языческим миром), – использовали понятие, которое указывало, конечно, на конкретное событие, но лишь как гипотетическое или ожидаемое в будущем, когда должно было произойти, по мнению некоторых иудеев, всеобщее телесное воскресение всех умерших людей. И хотя слова, которые использовались для этого (например, греч. *anastasis*), могли иметь еще ряд значений (*anastasis* изначально обозначало действие восстановления, поднятия или установки [на постамент] какой–либо вещи или человека), в приложении к теме, обсуждаемой в книге, они употреблялись в определенном значении – обозначают акт «воскрешения» из мертвых. Получается, что обычное значение языка, связанного с «воскресением», соотносилось с вполне конкретным положением дел в действительности. Один из основных вопросов, который обсуждается в данной книге, – использовали ли первые христиане, будучи новаторами в столь многих отношениях, язык и образы воскресения так же, как это делали до них, или как–то иначе.

III

Я необычайно признателен всем тем людям, – а это и члены моей семьи, и друзья, и коллеги, и слушатели, – кто обсуждал со мной тематику этой книги на протяжении многих лет. Я узнал и научился многому у многих и собираюсь продолжать это делать и дальше. Моя особая благодарность адресована, конечно, моей любимой супруге и детям за их поддержку и ободрение; и не в последнюю очередь это относится к моему сыну, д–ру Юлиану Райту, уделившему мне немало времени, чтобы прочесть весь текст книги, и давшему добрую дюжину рекомендаций по ней. Одним из самых экстраординарных источников вдохновения стало для меня предложение написать либретто для «Easter Oratoria» (Пасхальная оратория) Пола Спайсера, созданной на основе текста Ин 20–21. Это музыкальное произведение, впервые исполненное на Личфилдском фестивале в июле 2000 года, в дальнейшем прозвучало по разные стороны Атлантики, в том числе частично и на радиоканале BBC. И Пол, и я уже писали об этом интереснейшем проекте в «Sounding the Depths» (Музыка глубин), вышедшей под редакцией Джереми Бегби. Работа с Полом заставила меня взглянуть на воскресение под несколько иным углом зрения, и я теперь не в состоянии читать повествование евангелиста Иоанна о пасхальных событиях без мысли о музыке Пола и без благодарного сознания своей причастности к этому прекрасному творению.

Когда–то я оправдывался за отсрочку публикации *ИПБ* ссылкой на смену места жительства и работы, теперь мне приходится делать то же самое и в отношении этой книги: наш переезд в Вестминстер в 1999–2000 годах потребовал много времени и сил, что естественно замедлило работу над книгой. Возвращение к прежнему ритму работы произошло благодаря во многом поддержке моих коллег, в особенности настоятеля Вестминстерского аббатства д–ра Уэсли Карр, и моих братьев–каноников; также для меня была важна своевременная помощь в больших и мелких делах секретаря аббатства мисс Аврил Боттомс. О технической части позаботились Стив Сиберт и сотрудники из фирмы *Nota Bene*, занимающиеся изготовлением программного обеспечения; их профессиональная работа и помощь, оказанная и до меня огромному количеству исследователей, в подготовке

оригинала–макета книги выше всяких похвал. Я выражаю благодарность многим своим друзьям и коллегам, прочитавшим частично или целиком рукопись книги и указавшим на ряд ошибок; естественно, они совершенно не ответственны за те погрешности, которые остались в тексте. В частности, я благодарен профессорам Джоелу Маркусу, Полу Хаусу, Гордону Макконвиллю и Скотту Хейфману, д–рам Джону Дею, Джейсону Кёнигу и Эндрю Годдарду, сотрудникам и студентам ряда факультетов Бейлорского университета в г. Уэйко (штат Техас), особенно профессорам Стефану Эвансу, Дейvidу Гарланду, Кейри Ньюману, Роджеру Олсону, Микелю Парсонсу и Чарльзу Талберту, каждый из которых стимулировал мою исследовательскую работы критическими замечаниями и подробными консультациями, когда книга подходила к завершению. Профессор Морна Хукер любезно предоставила мне свой личный экземпляр своей недавно опубликованной работы, так что я смог учесть ее в самый последний момент перед сдачей рукописи в печать. За множество неточностей и недочетов, которые остались в книге, ответственен, конечно, только я сам.

Снова и снова должен признать огромные заслуги в создании этой книги собственно ее издателей, сотрудников SPCK. Предложив мне, надо сказать, довольно жесткий график работы над книгой, они обеспечили меня превосходной поддержкой не только по технической части, но прежде всего в плане научном. Д–р Николас Перрин, будучи сам публикующимся исследователем, взял эту функцию на себя и выполнял ее с завидными упорством и неутомимостью в течение двух лет. Опираясь на свой огромный опыт в этой области, он находил необходимые для полноты библиографии источники (древние и новые), являя в своем лице прямо–таки профессорскую комнату университета, в которой я имел возможность получать ценные советы и нетривиальные свежие идеи. Он был для меня одновременно и помощником, и наставником, и беспристрастным критиком, и искренним другом. Плотное сотрудничество с ним доставили мне незабываемые часы интеллектуального и эмоционального наслаждения.

Посвящение в начале книги отражает двойную признательность, которую я испытываю к двум людям – к одному, прежде всего, как к другу, к другому – как к коллеге по научному поиску. С Оливером О'Донованом я познакомился уже в первые дни моей учебы в Оксфорде (на курсе гебраистики); его искренняя дружба, образцовая научная деятельность и глубокое постижение ряда богословских и философских вопросов непрестанно вдохновляют меня с тех пор и до сегодняшнего дня. С Роуэном Уильямсом судьба нас свела в 1986 году, когда мы оба вернулись в Оксфорд. Наше совместное преподавание и различные общие интересы, которыми мы жили, составляют предмет самых теплых воспоминаний о том времени. Оливер и Роуэн и сами, как известно, написали замечательные книги, посвященные теме воскресения, и это одно было бы уже достаточно, чтобы выразить им мое почтение и признательность. Но в тот период, когда я дописывал последний раздел этой книги, пришло сообщение о том, что Роуэн стал новым Кентерберийским Архиепископом, что делает мое посвящение тем более обязательным. Мои поздравления – ему, и признательность сердца – им обоим.

Н. Т. Райт
Вестминстерское аббатство